

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ПОЗИЦИЯ КАК КАТЕГОРИЯ ЯЗЫКА

Как элемент системы позиция обладает собственной значимостью — на наш взгляд, это важнейшее свойство позиции. Мы используем именно этот термин, чтобы отделить содержание позиции от собственного значения языковой единицы. Находясь в языковой системе (а именно микросистемами являются словосочетания, предложения и другие композиционные единицы), значение языковой единицы в нашем сознании сливается со значимостью позиции, и обычно они воспринимаются синкретично как целостное значение сложной единицы. Эта слитность значимости и значения является фактором, затрудняющим выделение значимости позиции как самостоятельного языкового феномена. В отечественной лингвистике термины *значение* и *значимость* часто употребляются как взаимозаменяемые.

Как элемент системы языковых единиц (слова, словосочетания, предложения, текста) значимость позиции обладает структурными свойствами, которые определены местом позиции в системе, это та часть значения, которая присуща любой единице, находящейся в данной позиции. Можно сказать, что значимость — это понимание места единицы в системе. Существенно то, что значимость автономна по отношению к собственному значению языковых единиц как средств номинации. Система определяет набор свойств элементов, составляющих ее, их соответствие или, по меньшей мере, лояльность по отношению к критерию качества, задающего характер системы. Значимость позиции понимается как условия, определяющие возможность или невозможность употребления единицы языковой системы в окружении тех или иных единиц.

Семантический блок языковой системы как относительно самостоятельную структурную единицу языка выделяет Л.М.Васильев [Васильев 1990: 27]. На семантическом уровне систему образуют взаимосвязанные значения слов в составе словосочетания, предложения, текста. Элементарной единицей семантической системы является сема, которая служит для образования комплексных семантических единиц — лексических значений слов и пропозиций. В семантической системе языка значимость позиции определяется лексическим значением опорного компонента и се-

мантическими свойствами структурной схемы предложения. В тех случаях, когда значимость соответствует значению языковой единицы (таких случаев большинство в письменных текстах), значимость сливается со значением: *Человек идет* – позиция субъекта занята словом, специализирующимся на значении агенса.

Если значимость позиции компонента семантической системы (сложной семантической единицы) не соответствует значению языковой единицы, то в этом случае отчетливо выступает самостоятельная роль значимости и ее отличие от значения. Так, в предложении *Это “не хочу” поразило Антона Прокофьевича* (Гоголь) – позиция подлежащего-субъекта занята словом, которое осознается говорящим и слушающим как аналог субъекта действия только благодаря тому, что занимает позицию агенса при глаголе-сказуемом, нормально (узуально) сочетающемся в нашем сознании с субъектом действия.

Такие “структурно-семантические оксюмороны” приводят к семантическим сдвигам в сознании языковой личности: в языковом пространстве предмет или явление представлены как действующее или осязающее лицо, в отличие от реальной картины мира, где лексема обозначает явление, не способное к действию или ощущению. В тех случаях, когда позицию агенса занимает слово, лишенное лексического значения (например, междометие) или употребленное в необычной для него позиции, именно значимость позиции позволяет определить синтаксическую роль слова. На семантическом уровне такое необычное замещение позиции или проецирует имплицитную ситуацию (*не хочу* – слова собеседника, цитируемая прямая речь), или, сохраняя свое основное лексическое значение, оно “сдвигает” значение слов, с которыми непосредственно связано в тексте, тем самым создавая метафорический контекст.

В случае преднамеренной языковой игры не сочетающиеся по смыслу лексемы также обнаруживают несовпадение значимости позиции с лексическим значением слова: *Дети в песочнице лепят снеговика* (КВН, 31.08.2002); *Ответил вялый женский голос с маленьким окладом* (Задорнов); *Сегодня мы празднуем похороны. Покойся, голод, с миром* (из телерекламы); *Да еще чего-то спел мальчик толстенького роста* (Из телепередачи); *Без двух минут воннегутровский воздушный десант морской лыжной пехоты* (Громов); *Когда я работал в Парке культуры имени отдыха* (из телепередачи) и т.д. Языковую игру отличает установка на комический эффект, и нарушения норм имеют эстетическую и психологическую ценность, обусловленную особенностями национального менталитета. Поэтому языковая игра не поддается переводу.

Особенно наглядно видны нарушения позиционной значимости в семантической системе в случае иронии. Этот троп заключается в том, что контекстное окружение слова смещает его значение до противоположного. То значение, которое зафиксировано в словарях, невозможно в данном контексте, и позиция слова в тексте “выворачивает наизнанку” его лексическое значение.

Несовместимость значимости семантической позиции и лексического значения слова ярко проявляется в бредовых текстах. В крайних формах, выражая паралогическое мышление, бредовая речь становится бессвязной и на уровне смысла, и на уровне грамматики: *“Я хочу есть. Жратва пить дать, не смотрите, любовь, огонь сжег. Они веселятся через поры любого существа, вот женщина, весь род на земле происходит...”* [Глазов 1965: 19-20]. Как видим, в этом тексте наблюдаются разорванные синтаксические связи, нарушен закон лексической сочетаемости слов, вследствие чего текст не выполняет коммуникативную функцию.

В художественных произведениях (например, в поэзии футуристов или в произведениях Л.Петрушевской) представлено принципиально иное использование позиции: позиционная значимость или элиминируется, или представляет собой очень аморфное, неопределенное образование. В языковом сознании говорящего отсутствуют лексические единицы, которые имеются в поэтических и прозаических текстах, а значимость позиции далеко не всегда заполняет эту лауну своей значимостью. Так, в стихотворении В.Хлебникова семантическая структура включает в себя смысловые зияния, заполнить которые достаточно сложно: *Вечернего воздуха дайны Этавель задумчивой тайны, По синему небу бегуричи Нетуричей стая, незуричей, Потопом летят в инеса, Летуры летят в собеса!* (Хлебников). Возможность морфологической интерпретации псевдоексем не восполняет этого зияния.

Отдельно стоит отметить опечатки — непреднамеренное неправильное замещение позиции, например: *Освеженный водой и вечером, поднимаешься к дому и задерживаешься на балконе перед свежесполитыми клубами и среди кустов жасмина* (вместо *клубами*) (Искусство кино, 1993, № 3, с. 19). В случае опечаток читатель вынужден наполнять лексическим значением форму, которая не содержится в инвентаре языковых единиц. Чтобы этого не произошло, читатель выбирает (мгновенно и безошибочно) то лексическое значение, которое соответствует языковой позиции. Как правило, опечатки плохо замечаются при быстром чтении, т.к. читатель в своем сознании “корректирует” их, т.е. реализует “особенности работы памяти и внимания при пользовании имею-

щимися знаниями” [Залевская, 1999: 127], заполняя лакуны в соответствии со значимостью позиции.

Таким образом, в современном русском языке можно встретить разнообразное использование значимости позиции в семантической системе русского языка: от “позиционного равновесия” значимости позиции и лексического значения слова до их несовместимости.

Литература

Васильев Л.М. Современная лингвистическая семантика. М.: Высшая школа, 1990.

Глазов В.А. Шизофрения. М.: Медицина, 1965.

Залевская А.А. Введение в психолингвистику. М.: Российск. гос. гуманитар. ун-т, 1999.